

АНДРЕЙ ДЫМОВ

ТРЕВОЖНАЯ ОСЕНЬ

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос = Рус)6
Д88

Дизайн обложки: *Юлия Межова*

Иллюстрация для внутреннего оформления:
Дмитрий Комов

Сюжет книги основан на реальных событиях,
все имена и фамилии вымышлены

Дымов, Андрей Семенович

Д88 Тревожная осень / Андрей Дымов.— Москва: Издательство АСТ, 2017.— 286, [1] с.

ISBN 978-5-17-100338-8

Еще вчера у него было все хорошо: любимая и любящая семья, интересная работа, награды, звания и успех. В мгновение ока судьба ставит его перед фактом страшного диагноза.

«Андрей Семенович вдруг почувствовал гадкий привкус. Показалось, что неведомая сила засунула ему в рот охапку гниющих листьев и заставила их сосать, как монпансье. Пытаясь избавиться от омерзительного ощущения, он с силой ударил кулаком по торпеде, опустил стекло и сплюнул накопившуюся во рту слюну».

Как победить болезнь, не попав на крючок ненасытных шарлатанов? Как перебороть страхи и пройти весь тернистый путь, не растеряв себя? Что поможет в нелегкой борьбе за Жизнь?

© Андрей Дымов, 2016

© ООО «Издательство АСТ», 2017

Посвящаю эту книгу моей семье

ГЛАВА I

В последнюю пятницу июля Андрей Семенович Дымов проснулся необычно рано — около шести часов утра. Как правило, он, типичная сова, мог спокойно работать до двух-трех ночи, а заставить себя встать раньше половины восьмого ему удавалось с трудом.

Андрей Семенович попытался снова задремать, но не получилось.

— Ладно, бог с ним. Придется просыпаться.

Он встал и подошел к окну. Ближний пригород Петербурга нехотя пробуждался, хотя людей и машин на главной улице еще было мало. На небе — ни облачка, а столбик ртутного термометра, прикрепленного к оконной раме, уже подкрадывался к 21°C.

«Похоже, сегодня опять будет жуткая жара», — решил Андрей Семенович.

Можно прилечь и поразмышлять, что делать. С планами на несколько следующих недель все было ясно: сначала — короткая командировка, затем — отпуск. Целых три недели он проведет с семьей. Возьмет жену, обеих дочерей, пятилетнюю внучку — и на Майорку, к любимому и ласковому Средиземному морю. Он планировал как мож-

но меньше сидеть в номере, общаться с офисом и лабораторией, а все время уделять родным, особенно внучке, отношения с которой пока не очень складывались. Они редко виделись, а если такое и случалось, то, как правило, после его привычного 12-часового рабочего дня, когда язык двигался будто несмазанная шестеренка, и говорить о чем бы то ни было получалось плохо.

Да и что он, 57-летний генеральный директор большой компании, доктор наук, заведующий научно-исследовательской лабораторией, прошедший через жернова постсоветского лихолетья, мог рассказать своей маленькой внучке?

Нет, Андрей Семенович Дымов вовсе не был скучным человеком, которому нечего сказать людям. Многие считали его эрудированным, интересным собеседником и хорошим рассказчиком. Научившись читать в шесть лет, он и в школе, и в университете, и позднее «глотал» книги одну за другой — в свободное время, которого с каждым годом становилось все меньше, а также выкраивая часы за счет сна и других... развлечений. При этом знания Андрея Семеновича отнюдь не были исключительно книжными. Опыт судьба его тоже не обделила. Но почти пятнадцать лет отчаянной борьбы за существование, на которую были обречены все, кто при советской власти занимался наукой, особенно отраслевой, иссушили его, сделали жестким рационалистом. Вот почему ему было трудно рассказать что-нибудь захватывающее пятилетней девочке.

Ничего, перед отъездом он просмотрит несколько сказок, до которых его Дашенька была большая

охотница, и во время отпуска будет как можно чаще с ней общаться. Постарается растопить ледок в маленьком сердечке, подружиться с внучкой.

Андрей Семенович посмотрел на часы. Было 6.45.

«Вот черт,— подумал он,— еще час валяться, а никак не заснуть. Неужели до сих пор сказывается усталость после защиты?»

Около двух месяцев назад Андрей Семенович успешно защитил докторскую диссертацию, которую, в основном, писал в 1980-х. В те годы ему не дали бы защититься по конъюнктурным соображениям, а в 1990-е было не до защиты: приходилось драться за кусок хлеба для себя и своей команды.

Институт, в котором он работал, был основан в 1920-х годах академиком с мировым именем и в советское время гордо назывался головным. В начале 1990-х гордость и «головитость» испарились одновременно с прекращением государственного финансирования науки. Андрей Семенович с ужасом и страхом наблюдал, как население института сокращалось, все больше напоминая шагреновую кожу. Сначала одна за другой закрывались комнаты, где работали рядовые сотрудники, но завлабы, а также старшие и ведущие научные сотрудники по-прежнему приходили на работу к 9.15. Их звала многолетняя привычка и страх быть уволенными за прогул, как в советское время. Заставить этих людей не ходить на работу могла только организация платного входа в институт, да и то, наверное, одолжили бы, продали что-нибудь и ходили. Ведь работа была их жизнью, въелась в каждую клеточку организма и стала частью обмена веществ.

Так и сидели они с 9.15 до 17.00, боясь отлучиться с рабочего места, словно это имело какой-то смысл и значение. За счет арендных платежей генеральный директор начислял сотрудникам символическую зарплату, а они и ее боялись потерять, по-прежнему надеялись на чудо.

Вот раздается звонок секретаря генерального — зовут на срочное заседание ученого совета. Выходит Орлов, их генеральный директор, и говорит:

— У меня для вас хорошая новость. Пришла телеграмма из министерства, и в ней сказано, что по указу президента РФ нас начинают финансировать в полном объеме из госбюджета, так как страна осознала особую ценность таких людей, как мы, видит нас в авангарде строителей нового капиталистического строя, который сейчас создается.

Все с радостью и чувством собственной значимости, приодетые в костюмы, купленные еще до Горбачева (при нем деньги хоть и водились, да покупать уже было нечего), начинают с важным видом задавать вопросы. Интересуются тематикой, спрашивают, не мало ли денег отвалил им Борис Николаевич, принимал ли он решение лично или с чьей-то подачи, сыграли ли роль письма, которые они отправляли в разные инстанции в несметных количествах.

Однако 1990-е были не только лихими, но и жестокими. Телефон молчал, телеграммы от президента не приходили, Орлов на заседаниях ученого совета (если его можно было назвать таковым) требовал финансировать хотя бы свое крайне скудное существование, грозился всех выставить даже не за двери, а за ворота.

Андрей Семенович, как правило, избегал этих сборищ, посылая на них своего заместителя. Орлов смотрел на это сквозь пальцы, так как Дымов приносил деньги, и немалые. Но, когда его все-таки вынуждали приходить на «посиделки», облик сотрудников института вызывал тихий ужас. Не потрепанная одежда — люди науки всегда обращали мало внимания на внешний вид, — а резкое старение большей части коллектива и беззубые рты. Ведь 1990-е для научных работников были еще и голодными. Время буквально ударило этих людей по зубам, а протезировать было не на что.

Потихоньку последние кадры некогда прославленного института стали сначала расходиться, а потом и разбегаться кто куда: одни — на пенсию, другие — сторожами, слесарями в ЖЭК, челноками, торгашами... Для них жизненные устои и понятия вдруг перевернулись на 180 градусов. То, что раньше называлось спекуляцией и за что светила статья Уголовного кодекса, стало называться заморским словом «бизнес», а бизнесмены — те самые, которых они когда-то своими руками отлавливали за фарцовку во время рейдов ДНД (добровольной народной дружины), стали самыми обеспеченными и, что совсем удивительно, уважаемыми членами общества. А они, гордость советской науки, доценты с кандидатами, бедствовали, так как, будучи людьми в возрасте, переучиваться не могли и, в общем-то, мало что умели делать в жизни, кроме непосредственной работы — производства научной продукции, которая, как по мановению волшебной палочки, оказалась никому не нужна.

И, самое главное, перестал четко, два раза в месяц, приходить кассир, чтобы выдавать зарплату и аванс. А когда нужно ехать в командировку, приказа, подписанного директором института, теперь было недостаточно — требовались деньги на счету лаборатории, без которых не выписывали командировочные.

В общем, грустная получилась история: государство всю жизнь опекало научных работников, создавая им условия для безбедного существования, и вдруг опекун исчез. Это стало трагедией для большей части тех, кто при советской власти назывался представителем научно-технической интеллигенции. Хотя государство и мордовало эту интеллигенцию нещадно (вспомнить хотя бы пресловутые шарашки 30—40-х годов), тем не менее, даже работавшие в шарашках технари, по сути дела заключенные, не голодали, в отличие от других эзков, а получали фронтовой паек. При этом ученым создавались хоть какие-то условия для выживания и работы. А начало 1990-х просто уничтожило отраслевые НИИ и их сотрудников.

Сия участь, к счастью, миновала Андрея Семеновича. Причем не только благодаря стечению обстоятельств, а еще потому, что его работа в НИИ была ориентирована на конкретные нужды заводов. За четверть века он внедрил более пятидесяти изобретений с многомиллионным экономическим эффектом. Его вызывали на предприятия, когда те не выполняли план. Он не только находил причины, но и определял, что нужно сделать для ликвидации последствий, и не уезжал, пока его рекомендации не

превращались в тонны готовой продукции. Дымов и его лаборатория были необходимы заводам, а в 1990-е принцип полезности стал определяющим. Понятия многолетней дружбы и количества совместно выпитой водки стали вытесняться на обочину жизни новыми капиталистическими отношениями.

В начале 1992 года он приехал к своему давнему другу и «товарищу по оружию» (как они друг друга называли) Олегу Николаевичу Вартанову, генеральному директору одного из крупнейших предприятий страны, депутату, делегату и обладателю прочих заслуженных регалий. Андрей Семенович решил попросить совета, что ему делать.

— Денег нет: министерство, которое финансировало институт, исчезло, как кулаки во время коллективизации, а твой завод взял у меня новую технологию, необходимую для выпуска собственной продукции, и ничего не платит,— заявил Дымов.

Разговор состоялся в конце рабочего дня. Глядя на Вартанова, можно было подумать, что он разгрузил несколько вагонов: работа генерального директора в 1992 году, когда рушились десятилетиями наработанные связи между предприятиями, старые правила игры не действовали, а новые еще не придумали, требовала гораздо больше физических и моральных усилий, чем погрузка-разгрузка вагонов.

— Ладно, Андрей,— сказал Вартанов,— это разговор серьезный и долгий. Идем ко мне в комнату отдыха. Выпьем по рюмке, закусим, там и поговорим.

Пропустив граммов сто пятьдесят, Вартанов продолжил:

— Андрей, времена грядут тяжелые. Большинство твоих сослуживцев быстро сойдут с дистанции. Но такие, как ты, должны выжить. Ты нам нужен: ты работяга, твои люди тоже. Пока у нас есть кусок хлеба, мы будем с тобой делиться. У меня нет денег, я не выплачивал людям зарплату уже месяца три. То, что получаю на расчетный счет, забирают все кому не лень: налоговики, энергетики, транспортники. Но я — на виду, а ты маленький. Открывай свою фирму, и я начну отдавать тебе долги продукцией. Будешь учиться торговать, тогда и сам выживешь, и лабораторию сохранишь. Через несколько лет, когда все разбегутся, такой коллектив, как у тебя, станет огромным богатством. Соглашайся! Ну а если не хочешь, давай еще по рюмке — и Бог тебе в помощь. Поедем по домам. Устал я сегодня.

Дымов рискнул спросить:

— Учиться торговать? В одном месте купить подешевле, в другом продать подороже? Так это же спекуляция. Вон у нас на третьем курсе одного студента за спекуляцию отчислили, а мы его еще и из комсомола выгнали. Хотя где сейчас этот комсомол?

С другой стороны, какой выход ему предлагала держава. Никакого! Если он хочет заниматься своей наукой, должен защищать себя и своих людей. Должен! Он не может сказать им: «Я больше не несу за вас ответственности».

— Я согласен, Олег Николаевич,— подумав, твердо сказал Дымов.

— Давай попробуем.

— Нет, будем не пробовать, а работать. В конце концов, не бином Ньютона. Хотя хорошо торго-

вать — тоже наука. Или искусство? А может, то и другое.

— Так-то лучше,— резюмировал Вартанов.— За такое можно и по две, а то и по три. Давай — и по домам. Завтра кладем все на бумагу в виде договора — и вперед. Не волнуйся, у тебя все получится.

Так Андрей Семенович начал торговать, не прекращая работу в лаборатории. Поначалу он в балете разбирался лучше, чем в коммерции, хотя балетов за всю жизнь видел — по пальцам пересчитать. Но ничего, выдюжил. Других вариантов просто не было. Как сказал один из героев Великой Отечественной Василий Георгиевич Клочкин: «Велика Россия, а отступать некуда: позади Москва!» И не сдали Москву. Так и у Дымова: отступать было некуда. Только в нищету и унижение. А нищету после смерти отца, когда ему исполнилось всего пятнадцать, он познал сполна и возвращаться к прошлому не хотел. Раньше нормой был 12-часовой рабочий день, теперь он плавно увеличился до 16-часового, а выходные исчезли. Зато дело пошло, лаборатория оказалась востребована и продолжала работать.

Результаты ее деятельности оплачивались готовой продукцией, которую созданная Андреем Семеновичем компания через длинную цепочку взаимозачетов превращала в живые деньги. На них коллектив мог существовать. Войдя во вкус новой деятельности, Дымов осознал, что торговля — процесс творческий. На вырученные деньги он проводил торговые операции с заводами. Часть заработанного шла на жизнь лаборатории. Это дало возможность сохранить коллектив научных работ-

ников, которым в то время было от 40 до 60 лет, использовать их знания, опыт, навыки и защитить этих людей от всех «подарков судьбы», на которые оказались так щедры лихие 90-е. В 1993 году подвёлся контракт с исследовательским центром «Дженерал Моторс». Затем его стали каждый год продлевать. Слава Богу, партнерские отношения продолжаются, подтверждая, что Дымов и созданный им коллектив приносят пользу не только отечественной промышленности.

За несколько лет фирма во много раз увеличила оборотный капитал. Удалось освоить несколько независимых направлений деятельности и выкупить у института корпус, где располагалась лаборатория. А значит, обрести свободу проживания, или, как говорил Андрей Семенович, «переселиться из общежития в отдельную квартиру». Однако, несмотря на коммерческие успехи, главным и любимым делом Дымова по-прежнему оставалась научная деятельность.

В середине 1990-х он уже работал не только как «пожарная команда», оперативно реагирующая на сиюминутные нужды заводов, но приступил к разработке нового процесса получения одного из сплавов, который к тому времени более 30 лет входил в перечень стратегически важной для государства продукции. Создаваемый им новый метод должен был вытеснить старый, экологически опасный и энергетически затратный, внедренный в СССР в 1950-х годах. Тогда такие термины, как энергосбережение и экология, были еще неизвестны руководству страны. Передовая технология создавалась на деньги, получаемые компанией от торговых опе-

раций, используя фанатизм и целеустремленность сотрудников, забывших об отпусках и выходных. Процесс был внедрен в прошлом году на крупнейшем комбинате страны. Запуск установки прошел без сучка и без задоринки. Буквально сразу же стало очевидно: все, что Дымов обещал до начала строительства, выполнено. Он не подвел людей, которые поверили ему и дали деньги на реконструкцию завода. А теперь строится еще одна установка. Через год старая технология канет в Лету и будет эксплуатироваться только новый процесс — процесс XXI века, как называли его специалисты.

Что ж, все хорошо — тьфу-тьфу-тьфу, чтобы не сглазить! Будучи суеверным, Дымов искал глазами кусочек дерева, чтобы постучать по нему. Кстати, он забыл еще одну вещь: в недрах президентской администрации бродил проект указа, завизированный всеми, кем положено, о присвоении ему звания «Заслуженный деятель науки РФ».

«Не перехвали, — посоветовал самому себе Андрей Семенович и так постучал по дереву. — Все, 7.30, пора собираться, а то еще опоздаешь на работу, проснувшись ни свет ни заря».

Он встал, подошел к окну. И тут что-то словно кольнуло его. Два смутных облачка — не белоснежных, а скорее темно-серых висели над ним, хотя небосклон был девственно-чист.

«Что же это такое?» — подумал Андрей Семенович. У него часто бывало: чувствует что-то неприятное, помнит об этом, но не может сказать, что именно. Сейчас было именно так. Что вдруг возникло прямо по курсу?

Про одно облачко вспомнил: сегодня он должен заехать в больницу и получить результаты анализа крови на PSA, который делал почти неделю назад, но не удосужился получить из-за своей вечной занятости. Вообще-то ни обследоваться, ни лечиться Андрей Семенович не любил — на это времени точно не хватало. Но годы брали свое, и здоровью приходилось уделять внимание. Лет пять назад он случайно набрел на одну ведомственную больницу и с тех пор периодически в ней появлялся. Хотя дело было не в самой больнице и не в отделении, а в работавшем там враче — Анне Ивановне. Она была прекрасным врачом — умница, обладающая энциклопедическими знаниями, причем как в области медицины, так и в искусстве и литературе. Но суть не в этом. Глядя на нее, он вспоминал строки Н. Заболоцкого:

«... что есть красота, // И почему ее обожествляют люди? // Сосуд она, в котором пустота, // Или огонь, мерцающий в сосуде?»

В Анне Ивановне не огонь мерцал, а бился свет ста сорока зенитных прожекторов, использованных Жуковым при наступлении на Берлин. И жар от этого света превосходил тепло, которое давала любая доменная печь. А ее голос? Завораживающий и успокаивающий. И как успокаивающий! Шутя, он называл ее дальней родственницей сирен, которые едва не погубили экспедицию Одиссея.

— Но от своих предков вы унаследовали только очаровательный голос,— подчеркивал Андрей Семенович.

Около этого «источника» света, тепла и успокоения он, когда припекало, и стал появляться в по-

следние годы. Сначала Андрей Семенович каждый год ложился на двухнедельное обследование, прокапаться всякими витаминами и т. п. Потом спираль времени сжалась еще на один виток, а может и на несколько, и он оставался всего на два дня. Все делал в бешеном темпе, одновременно разговаривая по нескольким мобильным, и терпеть это могла только Анна Ивановна с ее ангельским характером.

Потом Андрей Семенович с удовольствием сидел с ней рядом, причем, что было для него нехарактерно, терпеливо и никуда не торопясь. Слушал ее назначения и клялся себе, что непременно будет выполнять все, хотя в глубине души понимал — скорее всего, выполнит не более 50 процентов рекомендаций.

Анализ крови на PSA до сих пор не получил не только из-за занятости: он откладывал визит, как поход к зубному врачу, пока не прижмет так, что дальше некуда. Что такое PSA, Андрей Семенович не разбирался — вроде бы простатический специфический антиген, или как там его. Но знал наверняка, что, если результат на уровне 4 мг/л, все в порядке, а если выше — ничего хорошего, велик шанс рака простаты.

Несколько лет назад с PSA была неприятная история, которую он не очень любил вспоминать. В больницу пришел новый уролог, который долго работал в онкологической клинике и поэтому сразу погнал всех пациентов сдавать анализ крови на PSA. Попал в эту выборку и Андрей Семенович. Пошел, сдал, а результат — 8,4 мг/л. Он с содроганием вспоминал, как стоял перед Анной Ивановной и урологом, словно ученик, разбивший футбольным